

А У НАС КОСТРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марьяна Грай

18+

Марьяна Грай

А у нас костры

<https://litres.ru/74381642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она дочь барона. В таборе её готовили в жёны — богатому, знатному, правильному. Но она хотела стать врачом. Собрала книги и уехала в Москву.

Город встретил её грязью и страхом. Ей не сдавали комнаты, потому что она цыганка. Её хватали за руки на улице. Она спала на полу, торговала яблоками, пряталась от бандитов и каждую ночь учила химию и биологию, чтобы сдать экзамены.

Она почти выдержала.

А потом она встретила его. Мужчину, который спас её. Подарил дом, защитил, подарил любовь. Она забыла, что такое боль. Она поверила в счастье.

Но прошлое не отпускает. Тот, от кого она сбежала, не простил ей свободы. Ян не успокоится, пока не уничтожит всё, что ей дорого.

"А у нас костры"— книга о свободе, о цыганах, о той, кто не сдалась. О любви, которая жжёт, и о боли, которая меняет. Читайте, если готовы плакать и верить. Не читайте, если боитесь правды.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	55

А у нас костры

Глава

Глава первая

Поле бесконечное, зелёное, и ветер идёт по нему волнами. Васильки синие, как летнее небо, и ещё жёлтые цветы, которых никто не знает по имени, но их много. Река бурлит негромко у самого берега, вода целует камни, и слышно, как она дышит — ровно, спокойно, по-матерински.

Лошади скачут. Красивые, чистые, гривы развеваются по ветру, копыта бьют по земле, топот глухой, как сердце. Земля дрожит, и дрожь эту чувствуешь каждой клеткой, каждой косточкой, каждой жилкой.

А у реки — табор.

Табор теперь не тот, что раньше. Раньше были кибитки, пыль, дорога, костры, всё на колёсах, всё в движении, как птица — сегодня здесь, завтра там. Теперь дома. Белые, аккуратные, с красными крышами, с резными наличниками, с палисадниками, где цветут пионы и мальвы. У каждого свой дом, своё крыльцо, своя земля, свой клочок неба.

Тагар выкупил эту землю много лет назад. Он хотел, чтобы цыгане его табора больше не ютились в кибитках по обочинам, не мёрзли зимой, не мокли под дождём. Чтобы у них был угол, где можно поставить стол, повесить икону, вырастить детей. Чтобы дети ходили в школу, а женщины стирали в доме, а не на речке. Хотя на речку всё равно ходят. Привыкли. И в речке вода мягче, и бельё на камнях отбеливается быстрее, и можно поболтать, посмеяться, пока полощешь.

Жизнь идёт как всегда.

Дети бегают по улице босиком, галдят, играют в войну, прячутся в высокой траве. Мальчишки на конях скачут, девочки венки плетут из васильков и ромашек. Женщины стирают у домов, на улице, у реки, вешают бельё на верёвки — платья цветные, как знамя, как флаг, как вся жизнь цыганская, яркая и громкая. Смеются, переговариваются, кто-то поёт тихо старую песню.

Мужчины работают с утра до ночи. Кто-то пишет картины, потом продаёт их богатым людям из города, и те платят хорошо. Кто-то гадает — старухи с монетами, с картами сидят у дороги, ворожат приезжим, и те верят, платят, уезжают задумчивые. Кто-то катает на лошадях туристов — те визжат от восторга, смеются, фотографируются. А кто-то зара-

батывает нечестным путём, и это всем видно, все знают, но молчат.

Тагар не любит это, но запретить не может. Он только смотрит своими тёмными глазами, и если видит — наказывает. Выгоняет из табора навсегда, без права вернуться, без права просить прощения. Он хочет, чтобы его табор был другим. Чистым, честным, чтобы о нём говорили с уважением, а не со страхом.

Бизнес Тагара — лошади. Чистокровные, дорогие, с документами, с родословной. Он их растит, продаёт, покупает, обменивает. Кони приходят к нему со всей страны, он их чует, как человека, с первого взгляда знает характер, норов, силу. У одной сердце большое, бежит как ветер. У другой — норовистая, не даётся в руки. У третьей — золото в копытах, и цена ей высокая.

Его уважают за это. За глаза, за руки, за чутьё. Тагар может заговорить лошадь, успокоить, вылечить, и ни один ветеринар не сделает лучше. Он их любит, как любил когда-то жену...

Но он вдовец.

Рада умерла. Его жена, прекрасная и тихая, с глазами как

у лани, с улыбкой, от которой таяло сердце. Она заболела, когда они ещё кочевали — где-то в степи простудилась, думали, ерунда, отлежится. Бабушка Роза поила её травами, растирала, заворачивала в шерстяные платки. Думала, справится. Не справилась.

Довезли до больницы, врачи сказали: пневмония с двух сторон, поздно, осложнения, ничем не поможем.

Она умерла на руках у мужа.

Динаре было пять лет.

Тагар привёз тело домой, зарыл на холме за табором, где она любила сидеть по вечерам и смотреть на закат. С тех пор он не смотрит на холм. Он смотрит мимо, сквозь, в никуда, но глаз не поднимает.

Роза, его мать, плакала долго, просила прощения: «Сынок, я думала, что травами вылечу, я же тебя и всех лечила, я же знаю, как лечить, я не хотела». Тагар молчал. Смотрел в пустоту. Не ответил ни слова. С тех пор он не говорит с матерью о Раде, и слова «прости» для него больше не существует. Он любит Розу, как любит мать, но простить не может.

Динара. Сейчас ей двадцать лет.

Чёрные волосы, густые и кудрявые, до талии, выются как вода в реке. Глаза — как ночь, тёмные, глубокие, смотрят прямо и сквозь, хотя ей только двадцать. Тонкая, высокая, с длинной шеей и гордой осанкой. Лицо — точная копия матери, портрет, который Тагар носит в груди. Он смотрит на дочь и видит Раду, слышит её голос в смехе Динары, чувствует её упрямство в походке. И ему больно.

Характер у Динары не от отца и не от матери. Свой — буйный, своенравный, как огонь. Смеётся громко, спорит с отцом, спорит со всеми, не молчит, когда не согласна. Бабушка Роза качала головой: «Буйная ты, как жеребец дикий, необъезженный». А Динара улыбалась, целовала бабушку в щёку и убегала в поле.

В школу Динара пошла поздно. Раньше кочевали, не до школы было, азбуку учили по старым книгам, которые попадались. Потом Тагар осел, выкупил землю, построил дома, и в ближайшую школу отправил цыганских детей. Тагар сказал строго: все ходят, без разговоров, иначе выгоню из табора.

Динара пошла с отставанием, догнала за год, а потом и перегнала. Закончила с золотой медалью. Для цыганки это редкость, почти чудо. Учителя шептались: «Удивительный ребёнок», а директор хотел её в город отправить, в гимназию.

Отец молчал. Но ночами, когда никто не видел, он смотрел ее дневник с гордостью.

В шесть лет она уже села на жеребца. Отец вывел молодого, необъезженного, хотел показать, как ездить надо. Динара не спросила — залезла. Жеребец взвился, понёс её по полю, Тагар побелел и побежал следом, кричал, махал руками. А она смеялась, скакала как птица, как ветер. Слезла сама, целая и невредимая, и сказала: «Хороший конь». С тех пор Тагар знал — эта девочка не боится ничего.

Читает Динара запоем. Всё, что найдёт — книги, журналы, выцветшие брошюры. Может часами сидеть на крыльце с книгой, зарывшись в неё, и не слышать, как зовут. А потом рассказывать — про звёзды и планеты, про животных и их повадки, про болезни и лекарства, про то, как устроен человек изнутри.

С пятнадцати лет она помогает отцу лечить лошадей. Ветеринар приезжает раз в месяц, и Динара всегда стоя рядом, молчала, запоминала, задавала вопросы, записывала, переспрашивала. Всё хотела знать, всё понять, всё уметь. Бабушке Розе помогала травы собирать — вставала на рассвете, шла в поле, собирала ромашку, зверобой, полынь, чабрец. Знала, от чего помогает, как заваривать, в каких дозах. Бабушка гордилась.

И тогда она решила — станет врачом. Не просто лечить лошадей и собирать травы. Настоящим врачом. В белом халате. С дипломом. Чтобы спасти людей.

Отец говорит: образование хорошо, умные цыгане нужны, и он не против. Но дочери Барона нужен муж, хороший, достойный, чтобы род продолжить. Динара отмалчивается. Для неё это неважно.

К Тагару приезжают за лошадьми не только цыгане. Приезжают русские, богатые, с деньгами, на дорогих машинах. Сначала смотрят лошадей, потом видят Динару и забывают про лошадей. Глаза у них становятся масляными, и они спрашивают, кто эта красавица. Тагар сжимает зубы, говорит: «Дочь». И уводит её в дом.

Он хочет спрятать её от чужих глаз. От гаджо богатых, от всех, кто может посмотреть не так. Но Динара любит говорить с незнакомыми, её глаза горят, она смеётся и отвечает, не боится. Тагар держит её при себе, на глазах, но удержать не может.

Бахти. Давний друг Тагара, ещё с детства. Цыган, который ушёл далеко — стал юристом, престижным, богатым. В Москве его уважают, в судах знают, в правительстве приве-

чают. Для цыгана это редкость, почти небывальщина.

Они с Тагаром решили ещё давно, когда Динара была маленькая — она выйдет за сына Бахти, за Яна. Ян хороший, образованный, пошёл по стопам отца. Бывает в таборе часто, приезжает на выходные, разговаривает с Тагаром о делах, с Динарой — о книгах. Ему она нравится, он смотрит на неё долго, говорит мягко. Динара отвечает вежливо, улыбается, но для неё он друг, не больше. Просто друг. Хотя обычаи старомодны, и Ян — хорошая партия.

Но Динара хочет другого. Она хочет стать врачом. Учиться. Жить своей жизнью. Быть свободной.

Завтра приедут Бахти и Ян. Тагар скажет Динаре: «Выходи за него, это решено».

Динара должна сказать: «Хорошо».

Но она уже решила. Она не выйдет.

Если отец не поймет её ,не услышит...она уйдет ,убежит ,уплывёт ..

Глава вторая

День настал тот самый. Бахти с сыном Яном едут в гости,

как всегда. Их любой приезд — это праздник. Всегда привезут из города вкусных пирогов с яблоками, разных вкусов, детям — это праздник души и, скажем так, живота. Динара очень любит, когда приезжают такие гости. Потому что Ян очень приятный слушатель, с ним приятно говорить как с другом. Он никогда не забывает Динару и привозит ей книги.

Динара очень любит читать . Перечитала всю русскую классическую литературу. Любит все медицинские книги, любит «Анатомию человека» на русском языке, а сейчас захотела изучать самостоятельно латинский язык и анатомию на латинском. Ян смотрит на это всё, ему смешно, но он хочет, очень сильно хочет жениться на Динаре.

Баhti с сыном едут по дороге. Баhti за рулём, разговаривают обо всём — о работе, о жизни, о новостях. Потом Баhti переключается и говорит:

— Ян, я буду сегодня разговаривать с Тагаром о вашей свадьбе. Я очень хочу женить своего сына! Я хочу свадьбу! Я хочу внуков!

Ян смеётся и хлопает отца по плечу:

— Отец, я хоть сегодня готов жениться на Динаре. Ты же

знаешь, как я к ней отношусь, как я с самого детства за ней бегаю. Как я не мог научиться кататься на лошади, а она запрыгнула и смогла. Я сразу понял — возьму эту выскочку в жёны и покажу тогда, какой я настоящий и смелый цыган.

Я помню, как дети с табора говорили, чтобы понравиться Динаре, надо что-то украсть. И я украл у дяди Тагара его трубку. Динара очень красивая, и я очень хочу, чтобы она стала моей и только моей.

Баhti улыбается:

— Я очень рад, мой сын. Динара — дочка моих лучших друзей Тагара и Рады, и я очень хочу, чтобы эта девочка стала нашим членом семьи. Правда, характер буйный, норовистый, но это не беда. Дети пойдут — и вся дурь с головы выйдет. Цыганка умная, школу с золотой медалью закончила, но должна понимать, что важно — муж и дети.

Ян качает головой:

— Ты прав, отец, дури хватает. Бредит медицинским университетом. Хочет людей лечить. Замуж не хочет.

Баhti смеётся:

— Я дам тебе совет, сын. Ей нужно в скором времени забеременеть.

Смеются и едут дальше.

Подъезжают к посёлку. Ян открывает окно, вдыхает:

— Господи, какой тут воздух! Я бы тут жил.

Бахти усмехается:

— А с домом в Москве что будем делать, который я вам купил?

Смеются.

Ян откидывается на сиденье:

— Ну извините, это Москва. Стану успешным юристом, наделаю детей с Динарой и буду ждать внуков.

Бахти смотрит на него серьёзно:

— Ты мой сын, а это уже значит, что ты успешный юрист. Переставай с друзьями шляться по клубам, ты уже жених. Мать сказала, что приходишь под утро. Забей себе на носу:

«Я хочу наследников!».

Ян кивает:

— Я услышал тебя, отец.

Машина въезжает в табор. Дети бегут следом, кричат, машут руками. Женщины выглядывают из домов, улыбаются. Бахти тормозит у дома Тагара.

Ян выходит первым, оглядывается, ищет глазами Динару. Она стоит на крыльце, в синей юбке и белой блузке, волосы распущены, ветер играет с ними. В руках — книга, та самая, с латинским названием.

Ян улыбается, идёт к ней. Динара поднимает глаза, закрывает книгу и тоже улыбается.

— Привет, Ян.

— Привет, Динара. Я привёз тебе кое-что.

Он достаёт из машины небольшую книгу в твёрдом переплёте. «Латинско-русский медицинский словарь».

Динара смотрит на книгу, потом на Яна. Глаза её загораются, но она молчит.

— Спасибо, — говорит она тихо. — Ты всегда знаешь, что мне нужно.

Ян хочет что-то добавить, но из дома выходит Тагар. Он здоровается с Бахти, обнимает его как брата, хлопает по спине, и они идут в дом.

Ян остаётся с Динарой.

— Пойдём, покажу тебе, что я ещё привёз, — говорит он и берёт её за руку.

Динара не убирает руку, но и не сжимает его ладонь в ответ. Она просто идёт за ним, как идёт за ветром или за рекой.

На кухне Тагар и Бахти сидят за столом. На столе — чай, пироги, яблоки. Бахти наливает себе чай, делает глоток и ставит кружку.

— Тагар, друг мой, мы с тобой давно обо всём договорились. Ян любит Динару, Динара будет хорошей женой. Я хочу, чтобы мы сыграли свадьбу. Этим летом.

Тагар молчит. Смотрит в окно, туда, где Динара и Ян стоят у машины. Динара смеётся чему-то, и в этом смехе слышится

что-то родное, что-то от Рады.

— Я помню свой уговор, — говорит Тагар. — Я не против Яна. Он хороший парень, образованный, из хорошей семьи. Но Динара... она не хочет замуж. Она хочет в университет. Хочет стать врачом.

Бахти усмехается и откидывается на спинку стула:

— Это пройдёт. Молодость, глупость. Умная девочка, мы это ценим. Но её место — рядом с мужем, рядом с детьми, рядом с семьёй.

Тагар смотрит на друга долгим взглядом, потом кивает:

— Я скажу ей сегодня. После ужина.

Солнце уже садится, когда все собираются за большим столом во дворе. Бабы накрыли, поставили, что Бог послал. Мужчины пьют, разговаривают, смеются. Дети носятся между столами.

Динара сидит рядом с Яном, он что-то ей рассказывает, она слушает, но смотрит куда-то в поле, туда, где васильки уже не видны в темноте.

Тагар встаёт из-за стола, и все замолкают. Он поднимает стакан:

— Я хочу сказать слово. У нас сегодня гости — наши братья Бахти и Ян. И я хочу объявить... что моя дочь Динара выйдет замуж за Яна. Это решено.

Все шумят, радуются. Кто-то кричит: «Горько!» Ян улыбается, смотрит на Динару.

Динара сидит неподвижно. Она берёт стакан, поднимает его, смотрит на отца. В глазах её нет радости, но она улыбается.

— За любовь, — говорит она.

Все пьют.

Но никто не знает, что она уже решила.

Никто не знает, что этой ночью она уйдёт.

Глава третья

Ночь. Тишина. Только сверчки стрекочут где-то в поле и собака изредка взлаивает во сне.

Динара сидит на кровати в своей комнате и смотрит в темноту за окном. Луна светит, и в её свете видно, как ветер качает васильки на поле. Она дышит ровно, глубоко, чтобы не расплакаться.

Перед ней на столе — лист бумаги. Она берёт ручку и пишет. Пишет долго, зачеркивает, снова пишет.

«Папа.

Я люблю тебя. Ты самый лучший отец на свете, и я всегда буду твоей дочерью. Я не хочу делать тебе больно, но я не могу выйти за Яна. Ты знаешь, я хочу лечить людей. Я хочу учиться. Я хочу жить своей жизнью, а не чужой.

Я уезжаю в Москву, чтобы поступить в медицинский университет. Я нашла объявление, вступительные экзамены через две недели. Я должна попробовать. Если я не попробую, я никогда себе этого не прощу.

Прости меня. Я взяла деньги из шкатулки, чтобы хватило на первое время. Я верну их, когда стану врачом. Обещаю.

Ты вырастил меня сильной. Теперь я должна быть смелой. Береги себя.

Твоя Динара».

Она складывает письмо, кладёт его на стол. Берёт старую сумку — ту, что хранила с детства, — и начинает собирать-ся. Платье, юбка, блузка, тёплая кофта. Книги. «Анатомия».

Латинский словарь. Ещё несколько тетрадей с записями.

Подходит к шкатулке отца, которая стоит в углу. Открывает её — там деньги, пачки, аккуратно перевязанные резинками. Она берёт часть, сколько нужно на дорогу и первое время. Кладёт на место и закрывает шкатулку так же тихо, как открыла.

В дверь заглядывает бабушка Роза. Она не спит, потому что старые люди всегда чувствуют, когда уходят. Она смотрит на Динару, и глаза её наполняются слезами.

— Динара...

— Бабушка, не останавливай меня. Ты же знаешь — я должна.

Роза молчит. Подходит, кладёт ей в сумку маленький узелок — сухари, травы, немного денег.

— Чай мать твоя так же хотела уйти, когда была молодая, — шепчет бабушка. — Но она осталась. Потому что любила твоего отца. А ты?

— А я хочу лечить людей, — тихо отвечает Динара. — Это моя судьба.

Роза крестит её, целует в лоб.

— Будь благословенна, дочка. И возвращайся, когда сможешь. Дом не закроет дверь перед тобой.

Динара обнимает бабушку и выходит.

Ночь тёплая и тихая. Трава пахнет сладко. Где-то у реки булькает вода. Лошади спят в загоне, лишь один жеребец фыркает, принюхиваясь.

Динара идёт через поле. Оглядывается на табор, на белые дома, на красные крыши, на крыльцо, где всегда сидел отец.

Она не плачет. Ещё нет.

Дорога впереди — пустая и тёмная. Только редкие фары машин где-то далеко.

Она доходит до трассы, ждёт. Останавливается попутная машина — старый грузовик, мужик-дальнобойщик, удивлённо смотрит на неё.

— Девушка, ты чего одна в ночи? Куда путь держишь?

— На автовокзал, до Москвы.

— Садись, подвезу.

Она садится, и машина трогается. Табор остаётся позади, маленький, тихий, как сон.

Автовокзал пустой. Только несколько человек дремлют на скамейках, кто-то пьёт чай из стаканчика. Динара подходит к кассе.

— Билет до Москвы, пожалуйста.

Кассирша смотрит на неё удивлённо:

— Ночная поездка? Девочка, далеко одна собралась?

— Мне надо успеть, — тихо отвечает Динара. — До эк-
заменов.

Кассирша качает головой, но билет даёт.

Динара садится в автобус. Свободно, места почти все пустые. Ставит сумку на пол, закутывается в старую кофту. Автобус трогается, и она смотрит в окно, пока посёлок не исчезает за поворотом.

Усталость берёт своё. Она закрывает глаза и засыпает, крепко, как спят дети или люди, которые приняли самое важное решение в жизни.

Москва встречает её шумом, гамом, людьми, которые везде куда-то спешат. Она выходит из автобуса и жмурится от утреннего солнца, бьющего в глаза. Город пахнет бензином, асфальтом, горячим хлебом от ларька.

Динара останавливается, смотрит вокруг, переводит дух.

И идёт узнавать про экзамены.

Глава четвёртая

Динара идёт узнавать про экзамены, но к сожалению, она приехала рано. В университете ей сказали, что документы начнут принимать только через две недели. Она выходит на улицу, садится на скамейку и смотрит на прохожих. В руках сумка, в кармане — остатки денег. Жить ей негде.

Она понимает, что нужна комната или квартира. Хотя бы угол.

Обходит адреса, которые нашла в газете. На первом адре-

се женщина открывает дверь, смотрит на неё, и лицо её меняется.

— Цыганка? — говорит она с порога. — Обворуешь ещё. Убирайся.

Дверь захлопывается.

На втором адресе мужчина кричит ей в лицо:

— Никогда в жизни не сдам цыганке! Устроишь бордель, принесёшь заразу в квартиру! Пошла вон!

Динара молча разворачивается и идёт дальше.

На третьем адресе ей не открывают. На четвёртом — открывают, но смотрят как на прокажённую, и она сама уходит, не дожидаясь, пока скажут.

Вечереет. Она идёт на вокзал. Там людно, шумно, пахнет дешёвой едой и усталостью. Она садится на скамейку, ставит сумку рядом, и в этот момент к ней подходит женщина.

Цыганка. В яркой юбке, с золотыми серьгами, глаза быстрые и цепкие.

— Моя золотая, дай на ручку погадаю?

Динара смотрит на неё устало.

— Отстань от меня. Я сама кому хочешь погадаю.

Женщина вдруг улыбается и садится рядом.

— Я вижу, золотая, что ты цыганской крови. Я всё вижу. Ты одна. И тебе некуда идти.

Динара молчит.

— Пойдём со мной. Мы своих не бросаем.

Динара смотрит на неё, и в глазах у женщины — что-то родное. Что-то, что напоминает бабушку Розу. И она встаёт.

— Меня зовут Ляля, — говорит женщина. — Пошли.

Они едут в электричке час. Ляля ничего не спрашивает. Просто ведёт её за собой, как ведут слепого.

Они выходят на станции, идут через посёлок. Дома здесь старые, заборы покосившиеся, пахнет дымом и сыростью. Они останавливаются перед большим деревянным домом.

Старым, неухоженным. Краска облупилась, крыльцо покосилось, окна мутные.

Ляля открывает дверь, и Динара чувствует резкий запах — старости, сырости, плесени. Она не может разобрать, что это, но внутри всё сжимается.

Они заходят в дом. Внутри темно, тесно и грязно. Видно, что в этом большом доме живут несколько цыганских семей. Слышны голоса, где-то играет музыка, кто-то ругается на цыганском, кто-то кричит на русском. Динара узнаёт родную речь, но она звучит здесь иначе — грубее, злее, чем в её таборе.

Из комнаты выбегает девочка лет пяти. Цыганская девочка — чёрные волосы спутанные, неопрятные, на ней большая грязная майка до колен, как платье. Динара удивляется — даже в их таборе дети были опрятные, родители купали детям вещи, следили за ними. Здесь же — другой слой. Цыгане, которые живут хуже, чем гаджо, которые потеряли и честь, и достоинство, и страх перед грязью.

Девочка подбегает к Ляле:

— Мама, кто это?

Ляля гладит её по голове:

— Доченька, она тоже цыганка. Ей некуда идти. Она проживёт пока у нас.

Девочка переводит взгляд на Динару, подходит ближе и тянет её за руку.

— Меня зовут Зарина! А тебя?

Динара садится на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне, и смотрит в её глаза, чёрные, как маслины, живые и любопытные.

— Какое у тебя красивое имя, Зарина. Меня зовут Динара.

Девочка улыбается, показывает два передних зуба, которых нет, и тут же бежит обратно в комнату.

Ляля усмехается:

— Она у меня шустрая. Вся в отца.

И ведёт Динару дальше — знакомить с домом.

Ляля ведёт Динару по коридору. Полы деревянные, скрипят, кое-где доски проваливаются. Стены — голые брёвна, тёмные от времени и копоти, в углах паутина. Обоев нет, штукатурки нет — просто дерево. Грязное, старое, кое-где прогнившее. Коридор узкий, везде разбросаны вещи, какие-то тряпки, старая обувь.

Динара идёт и смотрит по сторонам. Внутри неё поднимается странное чувство — смесь жалости и безразличия.

Ляля останавливается у первой двери, толкает её ногой.

— Заходи, познакомлю.

В комнате сидит старая цыганка с мутными глазами, на коленях у неё старые карты. Голова трясётся, руки дрожат. Она поднимает взгляд на Динару и улыбается беззубым ртом:

— Пришла к нам, красавица? Помни, здесь тебя никто не спасёт. Только ты сама.

Динара молчит, смотрит на неё и ничего не отвечает.

Ляля ведёт дальше.

Вторая дверь. За ней — ещё одна семья. Молодая цыганка с младенцем на руках, рядом двое детей сидят на полу, играют пустыми спичечными коробками. Одежда на них грязная, лица не умытые. Женщина смотрит на Динару, кивает.

— Новая? — спрашивает устало. — Оставайся. У нас места много.

Динара выдавливает улыбку и выходит.

Третья дверь. Мужчины играют в карты, дым стоит столбом. Все пьяные, глаза волчьи, смотрят на Динару как на добычу. Один из них облизывает губы, хрипло усмехается.

— Ляля, какая красotka! Своя или чужая?

Ляля плотно закрывает дверь.

— Не ходи туда больше. Это шайка. С ними лучше не связываться.

Они идут дальше по коридору. И в этот момент навстречу выходит мужчина.

Высокий, тощий. Кожаная куртка. Лицо изрезано старым шрамом — от виска до подбородка, как будто ножом полос-

нули. Глаза маленькие, хитрые, и улыбка волчья.

Тимур.

Он останавливается, смотрит на Динару. Медленно, с ног до головы.

— Ляля, — голос низкий, как из-под земли. — Кто это?

Ляля бледнеет. Руки дрожат, она переминается с ноги на ногу.

— Тимур, это моя дальняя родственница. Из Подольска. Родители осели там, купили домик. Приехала поступать в университет. Ей негде жить, я разрешила пожить пока.

Тимур усмехается, скалится. Делает шаг ближе к Динаре.

— В университет? — переспрашивает он. — Цыгане вообще там имеют право учиться?

Ляля перебивает:

— Тимур, цыгане такие же люди, как и гаджо, и имеют на всё право. Если живут достойно.

Тимур резко поворачивается к ней, лицо перекашивается:

— Ляля, я тебе сейчас отрежу твой грязный язык и выкину воронам!

Ляля замолкает, прячет глаза.

Тимур снова смотрит на Динару. Подходит вплотную. Она чувствует запах перегара и дешёвого одеколona.

— Красивая какая, — тянет он. — И говорит красиво. Не как наши.

Он берёт её за подбородок, пальцы грубые, сжимает сильно.

— Кто твой отец, красавица?

Динара дёргает головой, освобождаясь от его руки.

— Убери руки,— говорит она тихо.

Тимур смеётся. Хрипло, как камни пересыпает.

— Какая смелая! А если я скажу, что ты мне нравишься? Может, останешься у меня в комнате, а? Ночью придёшь ко

мне, расскажешь, кто твой отец.

Динара смотрит ему в глаза. Не отводит взгляд. Молчит.

Ляля хватает её за руку, отводит назад, закрывает собой.

— Тимур, не трогай её! Она моя гостья! Я отвечаю за неё!

Тимур смотрит на Лялю, потом на Динару. Ухмыляется, облизывает губы.

— Ладно, Ляля. Но если узнаю, что врёшь — я тебя покалечу, а эту красавицу продам.

Разворачивается и уходит в свою комнату. Дверь за ним громко хлопает.

Ляля выдыхает. Хватает Динару за руку и ведёт дальше по коридору. В конце коридора — ещё одна дверь. Ляля открывает её.

Комната маленькая, душная. Запах здесь стоит такой, что в горле першит — дымом, жареным салом и резким запахом яблочной бражки. Большой диван, продавленный и грязный, и четыре раскладушки в ряд. На полу — старые газеты, окурки, какие-то тряпки. Окно занавешено грязной тряпкой.

— Тут живу я, мой муж Бахир и четверо наших детей, — говорит Ляля. — Тебе я постелю матрас на пол. Ночи сейчас тёплые.

Динара молчит. Она впервые в таких условиях.

В её таборе даже в самых бедных домах было чисто и опрятно.

Здесь всё иначе.

— Хорошо, — говорит Динара. — Но можно я проветрю комнату и уберусь?

Ляля машет рукой:

— Твоё право. Мне этим заниматься некогда. Главное — поесть, поспать и на работу. Ты будешь картошку? Пойду готовить.

— Да, спасибо.

Ляля уходит. Динара остаётся одна.

Она открывает окно. Свежий воздух врывается в комнату,

смешиваясь с запахом сырости. Динара снимает с дивана покрывало — под ним окурки, обёртки, огрызки яблок, хлеб с плесенью. Она вытряхивает всё, выметает, потом протирает влажной тряпкой. Средихлама замечает движение и отпрыгивает —мышь. Динара замирает, но мышь убегает в щель.

Она продолжает. Моет окна — пыли столько, что вода становится чёрной. Протирает стол — он был чёрным, а после уборки оказался белым. Моет пол, меняет воду несколько раз.

И только потом садится на диван, чтобы отдохнуть.

В этот момент в комнату вваливается мужчина. Цыган. Пьяный. Глаза мутные, походка шаткая. Он смотрит на Динару и хмурится.

— Ты кто такая? Что ты делаешь в моей конуре?

Он хватается за нож.

— Воруешь? Сука?

Динара встаёт, смотрит ему в глаза и говорит ровно:

— А у вас есть что воровать?

Он заносит руку, но в этот момент вбегает Ляля.

— Бахир! Бахир, стой! Это наша гостья! Это моя дальняя родственница! Она поживёт у нас!

Бахир не сразу опускает руку. Смотрит на Динару злыми глазами.

— А зачем она тут? Самим жрать нечего! Ещё и лишний рот!

Ляля заступается:

— Она будет работать.

Динара перебивает:

— Я заплачу.

У Бахира загораются глаза.

— Заплатишь?

Он откладывает нож, щерится в улыбке:

— Ну тогда хорошо. Деньги заранее в кассу.

Динара достаёт из сумки часть денег и отдаёт ему. Бахир хватает, прячет в карман и исчезает за дверью.

Ляля качает головой, смотрит с укоризной:

— Зачем ты это сделала? Он пропьёт всё до нитки. Нам есть нечего, а он пьёт.

Динара садится на диван, смотрит на свои руки.

— Зачем ты живёшь с ним?

Ляля усмехается горько, садится рядом.

— Что значит зачем? Он мой муж.

Пауза.

— Он не всегда таким был, — тихо говорит Ляля. — Раньше работал, строил дом, детей любил. А потом сел в тюрьму. Три года. Вышел другим. Злым, пьющим, руки распускает.

— Уйти не могу. Детей бросать не на кого. Кому я нужна с четырьмя детьми?

Динара молчит.

— Ты красивая, умная, — продолжает Ляля. — Из хорошего табора, я сразу поняла. Ты не знаешь, как мы живём. Что такое просыпаться и не знать, будет ли еда. Что такое прятать детей, когда муж в пьяном угаре.

Она встаёт.

— Спать давай. Завтра рано вставать.

Динара ложится на матрас, который постелила Ляля.

Смотрит в тёмный деревянный потолок.

Слышно, как за стеной смеётся Тимур.

Динара закрывает глаза.

Завтра начинается новая жизнь.

Она должна выжить. Она должна дождаться экзаменов. Она должна стать врачом.

Она должна.

Глава пятая

Утро. Свежее, прохладное. Динара просыпается на матрасе, свыкаясь с запахом табака и яблочной браги. Комната после её уборки выглядит иначе — чище, светлее. Окно открыто, и ветер колышет старую занавеску.

Ляля уже хлопочет, собирает яблоки в большие ящики.

— Вставай, — говорит она. — Сегодня первый рабочий день. Пойдём.

Динара встаёт, умывается холодной водой из ведра, переодевается в ту же синюю юбку и белую блузку.

Она помогает Ляле грузить ящики. Яблоки красные, жёлтые, сочные. Пахнут летом.

В коридоре появляется Тимур.

Он подходит к ящикам, смотрит на Динару, ухмыляется.

— Ляля, давай помогу. Тяжело ведь.

Ляля настороженно смотрит на него.

— Чего пристал? Иди своей дорогой!

Тимур усмехается, не сводя глаз с Динары.

— Ляля, рот закрой! А то врежу тебе, как твой.

Он поворачивается к Динаре. Улыбка волчья.

— Мне кажется, мы с тобой не так познакомились. Не с того начали, милая.

Подходит ближе.

— Ты придёшь ко мне сегодня? Будет весело. То, что будет, ты никогда не забудешь, я тебе обещаю.

Динара смотрит на него спокойно. Отводит взгляд к ящикам, берёт один.

— Тимур, мне кажется, тебе действительно пора.

Он смеётся. Но в глазах — злость.

— Увидимся, красавица.

Помогает донести ящики до электрички. Сажает их. Уходит, не оборачиваясь.

Электричка. Динара сидит, смотрит в окно. За окном проплывают дома, деревья, провода. Всё серое, чужое.

Ляля сидит рядом. Ящики с яблоками стоят в проходе. Пахнет сыростью.

Кое-как снимают товар с электрички на вокзале. Ляля несёт один ящик, Динара другой. Идут по улице, и Динара видит торговые ряды — здесь много цыган, кто-то продаёт яблоки, кто-то гадает, кто-то торгует вещами. Шумно, грязно, но привычно.

Они находят своё место. Ляля расстилает старую простыню на асфальте, ставит ящик, раскладывает яблоки красиво, ровными рядами.

Динара помогает. Она не привыкла к такой работе, но руки делают всё сами.

Ляля садится рядом. Молчит, потом поворачивается к Динаре.

— Спасибо, что убрала комнату, — говорит она. — Очень

стало приятно.

Динара удивлена.

— Не за что.

Ляля смотрит на неё внимательно.

— Я тебя ещё раз прошу — держись подальше от Тимура. Он сидел за изнасилование. Ворует, наркотики барыжит. Его не трогают, потому что он дружит с братками. А в состав братков входит важный человек из милиции.

Она говорит шёпотом, быстро.

— Нас и не трогают, понимаешь? Каждая комната платит Тимуру. С тебя он может взять не деньгами. Понимаешь, о чём я?

Динара смотрит на неё и усмехается.

— Пускай только попробует.

Ляля качает головой.

— Ты очень смелая. Или очень глупая.

Они не успевают закончить разговор. К торговым местам подъезжает чёрная БМВ.

Машина останавливается прямо напротив них.

Двери открываются, выходят четверо мужчин. Все в чёрных кожаных куртках, на шеях толстые золотые цепи. Смотрят по сторонам. В середине — высокий накачанный блондин. Красивый, резкие черты лица, глаза холодные, как у хищника.

Люди на рынке затихают. Кто-то опускает глаза, кто-то отворачивается.

Блондин медленно идёт вдоль рядов. Смотрит на торговцев. Ничего не говорит, но все понимают — он здесь главный.

Ляля трогает Динару за руку:

— Сейчас к нам подойдёт. Улыбайся. Это Таймер, он главный. Сын нашего важного человека из милиции. Наш Тимур под Таймером ходит.

Таймер подходит к их лотку. Долго смотрит на яблоки.

Потом переводит взгляд на Динару. Задерживается. Долго. Пристально.

Он улыбается.

— Тимур не говорил, что завтра товар другой будет? — поворачивается к Ляле. — Тебя отправим газировку продавать.

Ляля кивает, заискивающе улыбается.

Таймер поворачивается к Динаре.

— А это что за красавица? Дочка твоя?

Ляля смеётся:

— Таймер, состарил ты меня. Моей старшей дочке десять лет. Это моя родственница из Подольска.

Таймер смотрит на Динару. Пристально, с интересом. Все вокруг замерли.

— Тише, — говорит он, и все умолкают. — Меня зовут Рома. А тебя?

Кто-то из его людей усмехается:

— Таймер, ты чё...

Таймер не оборачиваясь, глухо:

— Заглохни. Не с тобой беседую.

Он продолжает смотреть на Динару.

Она смотрит в ответ. Спокойно. Ровно. Хотя сердце колотится.

— Меня зовут Динара, — говорит она.

Таймер улыбается.

— Приятно познакомиться, Динара. Тебе нравится твоя работа?

— Я здесь первый день, — отвечает она. — Меня всё устраивает.

Таймер кивает. Пауза.

— Хорошо. До встречи, Динара.

Он разворачивается, идёт к машине. Люди его садятся следом. БМВ уезжает. Пыль оседает.

Рынок снова оживает. Люди выдыхают.

Ляля хватает Динару за руку.

— Ты что, не поняла? Таймер в тебя запал! Это большой шанс выбиться в люди!

Динара удивлена.

— В люди?

— Ты не понимаешь? Таймер — главный. Если он обратил на тебя внимание, считай, тебе повезло. Такую крышу нигде не найдёшь. Он тебя защитит, и Тимур к тебе не подойдёт.

Динара нахмурилась.

— Я не хочу никакой крыши. И не хочу ничьей защиты.

— Ты что? Ты не понимаешь как это важно для девушки? Для цыганки это вообще клад!— Ляля смотрит на неё как

на сумасшедшую.

— У меня главное — образование. — Динара говорит твёрдо. — Я сюда приехала не для того, чтобы выбиваться в люди через таких, как Таймер. И вообще, у меня уже есть жених.

Ляля округлила глаза.

— Что? — она плюхается рядом. — Рассказывай!

Динара понимает, что проговорилась. Но деваться некуда.

— Мой отец решил выдать меня замуж за сына своего друга. Ян — хороший парень. Образованный, из хорошей и богатой цыганской семьи. Но я сбежала, потому что хочу учиться. Хочу стать врачом.

Ляля смотрит на неё с недоверием.

— Сбежала? От такого жениха? Ты в своём уме?

Динара опускает глаза.

— Может быть, нет. Но это мой выбор.

Ляля молчит. Смотрит на неё долго. Потом усмехается и качает головой:

— Хорошо, что хоть Тимур теперь от тебя отстанет. Когда узнает, что ты понравилась Таймеру — он тебя не тронет. Боится его как огня.

Динара молчит. Смотрит в сторону, откуда уехала машина.

Не знает, радоваться ей или бояться.

Не знает, что всё только начинается.

Глава шестая

Дом Тагара.

Тяжелая тишина висит в воздухе. Тагар сидит в кресле у камина. Огонь тихо потрескивает, бросая тени на стены. В руках он сжимает письмо Динары. Уже перечитал его раз десять. С каждым разом злость становится только сильнее.

Роза стоит у окна. Спиной к сыну. Но она чувствует его взгляд. Она всегда чувствовала.

— Скажи мне, — голос Тагара низкий, как рокот земли, — как ты могла позволить ей уйти?

Он сжимает письмо в кулаке, потом с силой бросает его на пол. Бумага падает к его ногам, белеет на тёмном дереве.

— Неужели для тебя чужды цыганские обычаи? Ты цыганка. Ты понимаешь, как важен этот брак? Я дал слово Бахти! Я обещал, что моя дочь выйдет за его сына! И ты всё испортила!

Роза медленно поворачивается. Глаза сухие. Она смотрит на сына, как смотрит мать — без страха, без вины.

— Я просто хочу, чтобы девочка жила той жизнью, о которой она мечтает, — говорит она ровно.

Тагар сжимает кулаки.

— Мечты! Какие мечты? Её долг — семья. Её долг — муж. Её долг — дети. Её долг — продолжать наш род!

Роза качает головой.

— Когда мы жили в кочующем таборе, все говорили, что Рада хотела убежать. Она хотела другой жизни. Она хотела

свободы.

— Рада умерла! — кричит Тагар. — Не говори мне о Раде!

— Я говорю о Динаре, — тихо отвечает Роза. — Динара как мать. Она любит лошадей. Она смелая, добрая, честная. Рада не хотела, чтобы на неё показывали пальцем и говорили: «Цыганка — значит, ворует, гадаешь, ворожишь». Она хотела, чтобы её уважали. И Динара хочет того же. Она хочет стать врачом. Она хочет приносить пользу. Она не делит людей на цыган и русских. Для неё все равны.

Тагар усмехается зло.

— Рада. Ты говоришь о Раде. Но ты не знаешь, что было между мной и Радой. Я любил её. Я добивался её любви. Она не сразу полюбила меня. Я доказывал, боролся, ждал. А потом она полюбила. И мы прожили столько лет. Счастливых.

Он замолкает. Смотрит на огонь в камине.

— И сейчас неважно, что Динара не любит Яна. Самое важное, что может случиться потом — заиграют чувства. И это может оказаться крепкой, настоящей, сильной любовью. А не детской глупостью.

Роза подходит ближе.

— Ты хочешь, чтобы Динара повторила судьбу Рады?

— Я хочу, чтобы она была счастлива, — отвечает Тагар.

— Мы, родители, должны наставлять их на путь. Я как отец знаю лучше, что нужно моей дочери. Я знаю, с кем ей идти рука об руку по этой жизни. И лучшего мужа, чем Ян, ей не найти.

Роза смотрит на него долго. Потом качает головой.

— А если она не полюбит его? Если она будет несчастна всю жизнь? Ты сможешь на это смотреть?

— Она полюбит, — говорит Тагар. — Я знаю. Я знаю, какая она. Она упрямая, но она умная. Она поймёт, что я прав.

Роза опускает глаза.

— Ты обвиняешь меня всю жизнь. Я не виновата в смерти Рады. Твоя Рада хотела, чтобы я её лечила. Я это и сделала. Я лечу всех. Я всегда лечу. Сколько раз я просила у тебя прощения? Тысячу. Тысячу раз я говорила тебе: «Прости, сын». Но ты знаешь — Раде было плохо. Она пила мои отвары. А потом стало ещё хуже. Я не хотела, чтобы она умирала. Я

отдала бы свою жизнь за неё!

Тагар молчит.

Роза вздыхает, садится на лавку у камина.

— Зачем ты тревожишь моё сердце? Зачем огорчаешь меня столько лет? Если я тебе настолько противна, я могу уйти. Совсем.

Тагар резко поворачивается.

— Не говори так, мать.

— Тогда слушай меня, — Роза смотрит ему прямо в глаза. — Твоя дочь похожа на Раду, но она не Рада. Динара — пуля. Быстрая, взрывная. Это в тебя. Ты тоже никогда не хотел знать правду. Ты всегда считал, что твоё мнение — самое важное. Что ты — барон, и все должны молчать.

Она встаёт.

— Динара хочет быть врачом. Она хочет лечить людей. Она хочет жить по-другому. Она хочет, чтобы её уважали за дела, а не за то, что она цыганка. В этом она — дочь Рады. Рада всем хотела помочь. Рада всех мирила. Она видела

справедливость во всём. И Динара — такая же. Только смелее. Громче. Упрямее.

Роза замолкает. В комнате тишина. Только часы тикают на стене и огонь потрескивает в камине.

Тагар молчит. Долго. Потом говорит:

— Я услышал тебя, мать.

Пауза.

— Но я сделаю так, как нужно мне. Я дал слово Бахти. Я барон. Слово барона — закон.

Роза закрывает глаза. Медленно качает головой.

— Ты не поймёшь, сын. Никогда не поймёшь.

Тагар поворачивается к ней. Взгляд тяжелый.

— Насчёт Рады... — он замолкает, сглатывает. — Ты права. Рада была доброй, мягкой. Она всем хотела помочь. Она тебе верила. Но ты подвела её. Ты подвела Раду. И меня.

Роза молчит.

Слёз нет. Только усталость.

Она подходит к двери и останавливается.

— Ты можешь найти её, Тагар. Можешь вернуть. Можешь заставить. Но ты никогда не сможешь заставить её быть счастливой.

И уходит.

Тагар остаётся один.

Он смотрит на огонь в камине. Потом на письмо, белеющее у его ног на полу.

Он не поднимает его.

— Прости, дочка, — говорит он тихо. — Но ты вернёшься.

Через некоторое время звонит телефон. Тагар смотрит на экран — Баhti.

Они были в тот день рядом. Баhti был одним из первых, кто вместе с Тагаром узнал, что Динара сбежала. Он звонит

не для того, чтобы узнать новости. Он звонит, чтобы поддержать.

Тагар берёт трубку.

— Бахти, дорогой...

— Тагар, дорогой, как ты?

Тагар закрывает глаза. Голос его дрожит.

— Я почти умер. Я потерял Радугу. И сейчас я теряю Динару. Мою дочь.

Бахти молчит несколько секунд. Потом говорит твёрдо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.